

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ В УПРАВЛЕНИИ АРКТИКОЙ

Иван Жудро*

В статье рассматриваются особенности современного международно-правового режима Северного Ледовитого океана, его структура, значение обычных норм международного права (международных обычаев) в формировании этого режима; на основе сравнительного анализа существующих подходов к правовому регулированию ответственным управлением Арктическим регионом сделан вывод о ключевой роли в этом процессе международных обычаев; о том, что пересмотр сложившегося международно-правового режима Арктики, а равно занижение лежащих в его основе правовых обычаев невыгодно арктическим государствам и, прежде всего, самому крупному из них – Российской Федерации.

Сегодня арктическая проблематика вошла в число ведущих тем геополитической повестки. Составляющий основу полярного региона Северный Ледовитый океан (далее также – СЛО), благодаря своим естественным географическим особенностям, оказался на пересечении стратегических интересов влиятельных держав и их объединений.

Арктические морские пространства прочно увязали интересы прибрежных стран. СЛО полузамкнут побережьями пяти государств – России, Канады, Норвегии, Дании (из-за о. Гренландия), США (из-за п-ова Аляски), будучи по площади самым малым (около 4% от всей площади Мирового океана) и самым мелководным из всех океанов (средняя глубина составляет 1225 м). Около 40% площади СЛО имеет глубины меньше 200 м. Большую часть рельефа его дна занимают подводные окраины материков (до 70% площади дна), богатые ископаемыми ресурсами. Пространство СЛО, за исключением некоторых районов, покрыто льдами большую продолжительность года, а его центральная часть – постоянно. В этом его

фундаментальное отличие от Тихого, Атлантического и Индийского океанов [5. С. 546–551].

К тому же, фиксируемое в настоящее время сокращение ледового покрова создает, прежде всего, для прибрежных государств качественно новые возможности для развития судоходства и разработки недр. Будучи гигантской кладовой природных ресурсов, обладая колоссальным потенциалом источника экономического развития, Арктика рассматривается как на национальном, так и на международном уровнях, в качестве объекта **эффективного управления**. В то же время чрезвычайно хрупкое экологическое равновесие Крайнего Севера, определяющего климат всей планеты, и практически неизбежные негативные техногенные издержки процесса освоения этих территорий заставляют говорить о необходимости ответственного подхода к такому управлению. Любое крупное загрязнение морской среды в СЛО может стать экологической катастрофой, прежде всего, для арктических стран.

* Жудро Иван Сергеевич, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, Член Научно-экспертного совета Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, Администрация Президента Российской Федерации

Важной особенностью национальных арктических программ является их схожесть в определении приоритетов полярной политики - *устойчивое развитие региона*, сохранение природной среды, защита интересов коренного населения Крайнего Севера. Исходя из того очевидного обстоятельства, что ни одному государству в одиночку задачу *ответственного управления арктическим регионом* не решить, этой проблеме придается надгосударственный характер и делается вывод о необходимости расширения и укрепления партнерского взаимодействия.

В приполярном регионе действует несколько форумов международного сотрудничества: Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Северный совет и наиболее представительный - Арктический совет, включающий пять государств, прибрежных к Северному Ледовитому океану (Россия, Канада, Дания благодаря самоуправляемой Гренландии, Норвегия и США), а также две страны, сушу которых пересекает Северный полярный круг - Финляндия и Швеция и одну, чьи территориальные воды пересекает полярный круг - Исландия.

При этом пять членов Арктического совета - Канада, Дания, Исландия, Норвегия и США входят в состав Организации Североатлантического договора (НАТО), а три государства - Дания, Финляндия и Швеция - являются членами Европейского союза.

Национальные арктические стратегии США, Канады, Норвегии, других государств-членов Арктического совета содержат декларации о собственной роли, ответственности и даже о лидерстве в научно-исследовательской, технологической и прочих сферах *глобального управления Арктикой* [4. С. 360-600]. Претензии эти в основном диктуются текущей политической и экономической конъюнктурой, в то время как вовлеченность того или иного государства-члена Арктического совета в процесс *управления полярным регионом* объективно неодинакова, поскольку предопределяется, прежде всего, историческими и географическими факторами. Если США стали арктической державой менее чем 150 лет назад (Договор между Россией и Североамериканскими Соединенными Штатами об уступке Российских Североамериканских колоний заключен в Вашингтоне 18(30) апреля 1867 года) и имеют самую малую протяженность побережья в СЛО (*1700 км*) [11], то первые упоминания о русских пер-

вопроходцах в Арктике относятся к XI веку и при этом Российская Федерация унаследовала от СССР и Российской Империи самое протяженное арктическое побережье - *22600 км*, что само по себе имеет *важнейшее правоустанавливающее значение* [5. С. 546-551].

Протяженность побережья является тем естественным географическим фактором, который определяет площадь морских пространств, исключительной экономической зоны, континентального шельфа с его недрами, а значит и конкурентные преимущества государства. Этим же географическим фактором определяется степень воздействия хозяйственной активности на морскую экосистему и, соответственно, степень влияния последствий такого воздействия на жизнедеятельность и здоровье прибрежного населения. Самое протяженное арктическое побережье возлагает на Россию в большей мере, чем на любое другое соседнее государство, *ответственность за безопасное управление в регионе* и делает её в той же степени зависимой от состояния природной среды Крайнего Севера.

Арктические стратегии приполярных государств напоминают о заслугах их подданных или граждан в открытии и исследовании конкретных арктических территорий. Заслуги России состоят, прежде всего, в открытии многих полярных земель, их географическом и юридическом обозначении, начальном освоении. Такие действия, совершенные подданными Российской империи, сообразно международному праву прошлого периода, становились достаточным титулом для распространения на отдаленные пространства властных полномочий российского государства при отсутствии каких-либо возражений со стороны неарктических («неполярных») государств [3. С. 17].

Таким образом закреплялись права России на северные земли и прилегающие к ним моря в указах русского царя 1616-1620 гг. русско-шведских договорах 1806 и 1826 гг., русско-американской конвенции 1824 г. [10. С. 184], особенно, в русско-английской конвенции 1825 г., формируя международно-правовые обычаи, которые сегодня легли в основу правового режима Северного Ледовитого океана, в т.ч. в методологию разграничения его пространств (например, метод использования меридианных линий, сходящихся в точке Северного полюса).

Именно международно-правовыми обычаями, т.е. обычными нормами или нормами международного обычного права (используя термин Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года), наряду с международными договорами и актами национального законодательства прибрежных государств, предопределен сегодня правопорядок в СЛО (1).

Международно-правовые обычаи в Арктике – многолетняя правоприменительная практика самих арктических государств, получившая признание остальных стран. Как и международные договоры, международные обычаи должны выполняться добросовестно, разумно, с учетом прав участников конкретных правоотношений, с должным уважением признанных интересов всего мирового сообщества. Согласие с такими международно-правовыми обычаями, явно выраженное или молчаливое (отсутствие протестов со стороны неарктических государств), сделали их неотъемлемой частью современного международного права.

В силу международно-правовых обычаев только пять прибрежных государств (Россия, Канада, Дания, Норвегия, США) давно осуществляют суверенитет над внутренними морскими водами, территориальным морем, их дном и недрами, а также специальные права в своих «полярных владениях» (используя термин Русско-английской Конвенции 1825 года). В последние десятилетия обозначены и реализуется также юрисдикция этих пяти государств в исключительных экономических зонах, а также суверенные права над районами их *континентального шельфа*, в т.ч. его недрами.

Правовые обычаи находят свое отражение в заключаемых сегодня региональных арктических договоренностях (Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011) и в универсальных международных договорах, в т.ч. в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее также – Конвенция 1982 г.), что позволяет рассматривать её многие нормы (в т.ч. о внутренних морских водах, о территориальном море, о покрытых льдами районах) частью современного правового режима Арктики (за исключением, как отмечено в научной литературе, норм Конвенции 1982 года о Международном районе морского дна и о границе между ним и континентальным шельфом) [3. С. 29-30]. Например, статья 234 «покрытые льдами районы» Конвенции 1982 года предоставляет прибрежным государствам право прини-

мать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны. Любое другое неарктическое государство, осуществляя в упомянутых морских пространствах судоходство, рыболовство, иную разрешенную деятельность, соблюдает природоохранные законы и правила прибрежных арктических государств. Сформировавшийся таким образом правовой режим Арктики получил свое отражение и в юридической науке, где уже обращено внимание на возникновение нового института – «*арктического права*» (*"Arctic Law"*) [3. С. 12].

Правовой режим СЛО продолжает формироваться и сегодня. Тематика арктического сотрудничества становится все более обширной, распространяясь на новые области науки, экономики, политической и общественной жизни – изменение климата, экологию, метеорологию, здравоохранение, недропользование, судоходство, рыболовство, защиту интересов коренных народов Севера, разграничение морских пространств.

В структуре арктического права, помимо международных договоров арктических государств и международно-правовых документов, не являющихся договорами, но от того не менее значимых (например, Илулиссатская декларация пяти прибрежных арктических государств 2008 г.), исторически огромную роль играет применяемое к Арктике *национальное законодательство приполярных государств*, которое и сегодня продолжает развиваться [3. С. 12].

Правовой режим СЛО не мог не подвергнуться воздействию глобализации и поэтому структура его определяется уже не только региональными, но и универсальными международно-правовыми нормами. Можно предположить, что в подобной неоднородности проявили себя современные противоречия во взглядах на Арктику.

Региональные договоренности арктических стран по-прежнему отражают особые местные условия и интересы, прежде всего, самих приполярных государств. Ими принимаются юридически обязывающие соглашения в области чрезвычайных ситуаций – о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике, в сфере готовности и реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике [1. С. 21-32].

Напротив, *универсальные нормы, прежде всего нормы Конвенции ООН по морскому праву 1982 года*, скорее отражают объективный процесс интернационализации этой проблематики. В основе которого – намерение неарктических государств и их объединений получить равный с арктическими странами доступ к природным ресурсам и транспортному потенциалу СЛО.

Основываясь на универсальных международно-правовых нормах, наиболее влиятельные нерегиональные страны и межгосударственные объединения стремятся активно и полноценно участвовать в освоении Арктики наравне с ключевыми странами региона. Пути достижения этих своих целей они видят в «размывании» региональных регуляторов управления Крайним Севером – в унификации правил производственной и природоохранной деятельности, стандартов безопасности освоения минеральных и энергетических ресурсов, внедрении «общих правил судоходства», прежде всего под эгидой Международной морской организации, т.е. в международном управлении транспортными путями в бассейне СЛО и пр. [5. С. 639-659].

Однако в условиях Арктики «не срабатывают» все глобальные механизмы, созданные Конвенцией 1982 г. и, прежде всего, в таком чувствительном сегодня вопросе как разграничение подводных пространств (континентального шельфа) Северного Ледовитого океана. Прежде всего – из-за колоссальных отличий покрытых льдом районов Севера от теплых вод Индийского океана (следует отметить, что Конвенция 1982 года специально не упоминает о полярных регионах – Арктике и Антарктике – они не были предметом обсуждения на III Конференции по морскому праву 1973 - 1982 гг.).

Другая причина – неучастие в Конвенции 1982 г. одного из пяти арктических прибрежных государств (США) и неисполнение ими конвенционных положений о самоограничении континентального шельфа в пользу Международного района морского дна (статья 76). Результат действий России, Канады, Дании и Норвегии по отграничению шельфа при неучастии США *создаст за счет остальных государств конкурентные преимущества именно США, имеющим самое непротяженное арктическое побережье, и поэтому не будет справедливым* [9. С.4-6]. Статья 76 Конвенции 1982 года содержит геологические критерии, которым должны следовать прибрежные государства в определении границ между собственным

континентальным шельфом и Международным районом морского дна, ресурсы которого объявлены «Общим наследием человечества» и находятся в управлении Международного органа по морскому дну. *Реализация в СЛО всеми прибрежными государствами концепции «Общего наследия человечества» способно существенно сократить пространственные пределы их национальной юрисдикции и в этом случае будет отвечать интересам нерегиональных стран*, представители которых заявляют о том, что Северный Ледовитый океан не может принадлежать только арктическим государствам и управляться ими.

Создание в центре СЛО района, находящегося в международном управлении, повлечет ограничение возможностей арктических стран согласованно осуществлять ответственное природопользование в регионе, таящем множество рисков (имея в виду непредсказуемость глобальных климатических процессов, небезопасность добычи и затратность транспортировки добываемых ресурсов в условиях ледового покрова, удаленности от береговой инфраструктуры и пр.).

Достижение же справедливого результата при разграничении суверенных прав на подводные пространства СЛО возможно на основе правовых обычаев, носящих региональный характер, предопределенный исторически. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В.Лавров обратил внимание на то, что «укрепление регионального уровня управления в условиях, когда не срабатывают общемировые механизмы, служит своего рода страховочной сеткой» [15]. Отмечается «существенное усиление тенденции развития самого широкого регионального сотрудничества, терпеливый поиск взаимоприемлемых решений путем переговоров на основе норм международного права» [7. С. 4-5].

Согласно решениям Международного Суда ООН, который в оценках границ континентального шельфа *исходит из приоритета обычного права*, «наиболее фундаментальным из всех правовых норм, относящихся к континентальному шельфу», является «*принцип естественного продолжения*», а именно, «правило о том, что права прибрежного государства в отношении *континентального шельфа, который составляет естественное продолжение его сухопутной территории* в море и под ним, существуют *ipso facto* и *ab initio* (в силу факта и изначально), вследствие его

суверенитета над этой территорией», *а не вследствие участия государства в какой-либо конвенции* [4. С. 98].

Что же касается установленных Конвенцией 1982 года геологических критериев протяженности континентального шельфа (статья 76), то, по мнению Международного Суда ООН, учет геоморфологической конфигурации морского дна «не должен привести к нарушению правила о континентальном шельфе как естественном продолжении территории государства». Как отметил Суд, его функция «состоит в использовании геологических факторов лишь постольку, поскольку это требуется для применения международного права».

Иными словами, государство вправе осуществлять свои суверенные права в отношении континентального шельфа, определять границы таких прав, основываясь на обычных нормах международного права, и *независимо от участия в каких-либо соглашениях, в том числе в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года*.

Международный Суд ООН допускает в целях достижения справедливого результата и соблюдения пропорциональности (одинакового соотношения между протяженностями побережий соответствующих государств) *возможность прибегать к различным принципам и методам разграничения*, насколько это может быть уместным, или к сочетанию таких принципов и методов при условии, что *применением принципов справедливости достигается разумный результат*» [4. С. 105].

Речь, в частности, идет о *методе меридианных линий*, который не в меньшей степени, чем любой другой (метод равного отстояния или метод срединной линии) *отвечает достижению справедливого результата*.

Практика применения таких методов весьма обширна – при разграничении полярных пространств в Русско-английской конвенции 1825 года, в Конвенции об уступке Аляски 1867 года, в Соглашении между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года, а также в напрямую не связанном с вопросами делимитации морских пространств Соглашении 2011 года – при разграничении государствами Арктического совета авиационных и морских поисково-спасательных районов [1. С. 21-32]. Преимущество в данном случае регионального подхода, в отличие от универсального, обусловлено лежащими в

его основе правовыми обычаями, издавна определявшими в Арктике пределы полярных владений, режим природопользования, условия жизни коренных народов.

Сегодня *стратегии крупных нерегиональных игроков*, нацеленные на проникновение в Арктику, как правило, *преувеличивают значимость универсальных норм Конвенции 1982 года* в правовом статусе Арктики.

Европейский Союз рассматривает Конвенцию 1982 года в качестве «ключевой основы для управления Северным Ледовитым океаном» (“As key basis for the management of the Arctic Ocean”. European Commission High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels. 26.06.12. Join (2012) 19 Final. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps.) [9. С. 5].

Тот же подход отражен и в официальной позиции НАТО: «Конвенция ООН по морскому праву 1982 года является юридической основой, которая применяется к Северному Ледовитому океану» (Speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer on Security Prospects in the High North. NATO. 29.01.09.) [9. С. 5].

Внерегиональные политические объединения для достижения собственных коалиционных целей прибегают к неправовым методам, идущим вразрез с принципами арктического права. Проявлением объявленной Москве санкционной войны стали *попытки Вашингтона и Брюсселя «сколотить» антироссийский экономический фронт из государств-членов Арктического совета*. Отраслевые санкции, введенные против топливно-энергетического комплекса России, призванные снизить её возможности в научных исследованиях и промышленном освоении арктических пространств, привлечении инвестиций, неизбежно блокируют полноценное региональное взаимодействие. Искусственно возводимые политически мотивированные препятствия на пути регионального сотрудничества в Арктике *создают вполне реальные угрозы в сфере ответственного управления* столь экологически уязвимым регионом. Подобная *блоковая стратегия в Арктике*, рассчитанная на усиление влияния одних стран за счет других, по существу *имеет своей целью пересмотр исторически сложившегося международно-правового режима СЛО*.

Сегодня как никогда в арктическом регионе востребована «общенаправляющая роль международного обычного права, которое отражает в себе основные принципы международного права; концентрированно выражает некие императивы поведения: справедливость; добросовестность; недопустимость злоупотребления посредством формального исполнения договорной нормы (*sumum jus sumum injuria*); уважение к принятым обязательствам *erga omnes*, к тем, которые отражают взаиморазделяемые, наиболее общие представления сообщества государств о должном миропорядке» [2. С. 5-29].

В условиях, когда в Арктику устремлены пристальные взоры влиятельных нерегиональных игроков (Китай, Япония, Индия, Евросоюз, НАТО), все чаще темой иницилируемого ими политического и научно-экспертного диалога, становится способность современного международно-правового режима СЛО обеспечить учет интересов неарктических государств при освоении ресурсов Крайнего Севера.

В этой связи весьма важной и своевременной представляется констатация, сформулированная в 2008 году «пятеркой» арктических прибрежных государств (Россия, Канада, Дания, Норвегия, США) в Илулисатской декларации:

- сложившийся правовой режим СЛО достаточен для «мирного разрешения споров, вытекающих из любых возможных претензий»;

- отсутствует необходимость в создании нового общего международно-правового режима для СЛО;

- государства, прибрежные к СЛО, отвержены существующему международно-правовому механизму, «в рамках» которого «обеспечивается прочное основание для осуществления ответственного управления в регионе» [12].

Современная правовая база природопользования располагает обширным ин-

струментарием для учета интересов нерегиональных стран и объединений в освоении труднодоступной и экологически уязвимой Арктики (лицензирование и концессия разведки и разработки месторождений, квотирование промысла биоресурсов и пр.), не требующих пересмотра на основании универсальных норм международно-правового режима, предопределенного исторически и географически.

Применимое к Арктике международное право представлено обширным перечнем документов, которые «убеждают в уникальности исторически сложившегося правового положения Арктического региона; в том, что Арктика – это не пробельный объект права; что огромный массив правовых норм регулирует отношения государств по поводу деятельности в Арктическом регионе; что *роль арктических государств* в создании таких норм, их реализации и в обеспечении выполнения *являются решающей*» [8. С. 66].

Вполне очевидно, что *пересмотр сложившегося* международно-правового *режима Арктики* и, прежде всего, лежащих в его основе правовых обычаев, *не выгоден* арктическим государствам и, прежде всего, самому крупному из них – *Российской Федерации*. Как преувеличивать значение Конвенции 1982 г. в правовом режиме Северного Ледовитого океана, так и занижать роль обычных норм - не в интересах арктических государств и осуществляемого ими ответственного управления устойчивым развитием полярного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ.

(1) Венская конвенция 1969 г. гласит: «Нормы международного обычного права по-прежнему регулируют важнейшие вопросы международных отношений». Обычай в числе основных источников международного права определен в Статуте Международного Суда (Пункт 1 ст. 38).

Литература:

1. Бюллетень международных договоров. 2013. № 9.
2. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. № 2. 2012.
3. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах/ вводная статья к тому 3. Применимые правовые источники // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3 томах. М., 2013.
4. Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М., 2004.

5. Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3 томах. Т. 3. Применимые правовые источники / Гл. ред. И.С.Иванов. М., 2013.
6. Географический энциклопедический словарь. М., 1986., Физическая география материков и океанов / Под общей ред. А.М. Рябчикова. М., 1988.
7. Лавров С.В. Нуукская Декларация: новый этап сотрудничества арктических государств // Арктика: экология и экономика. № 3. 2011.
8. Николаев А.Н., Пещуров И.С. Правовые возможности предотвращения потери Россией высокоширотного участка арктического шельфа // Современные производительные силы. № 1. 2014.
9. Предложения к Дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике // Гл. ред. И.С. Иванов. Авт. коллектив. М., 2013.
10. Эфендиев О.Ф. Арктические воды // В кн. «Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана» / Отв. ред. М.И. Лазарев. М., 1974.
11. Coastline of the United States. <http://www.infoplease.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv>
12. ILulissat Declaration, Arctic Ocean Conference, Greenland. 27-29 May 2008 // <http://arctic-concil.org/filearchive/llulissat-declaration.pdf> (16 June 2009).
13. www.infoplease.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv
14. www.arctic-info.ru.
15. www.mgimo.ru/news/guests/index.phtml.

THE ROLE OF INTERNATIONAL CUSTOMS IN THE MANAGEMENT OF THE ARCTIC

The article examines the modern international legal regime of the Arctic ocean, its structure, the value of customary norms of the International law (international customs) in the formation of this regime; on the basis of the comparative analysis of the existing approaches to legal regulation of the responsible management of the Arctic region. The article arrives at the conclusion of the key role of International customs in this process. The revision of the existing International legal

regime of the Arctic and degrading the role of the International customs are not beneficial for the Arctic States and for the Russian Federation, the largest of them

Ivan Zhudro,
Candidate of Science (Law), Merited
Lawyer of the Russian Federation, member
of the Science and Expertise Council of the
Marine Board under the Government of
the Russian Federation, Administration of
President of the Russian Federation

Ключевые слова:

международно-правовой режим Северного Ледовитого океана, обычные нормы международного права, международный обычай, общее наследие человечества, континентальный шельф, ответственное управление арктическим регионом.

Keywords:

International legal regime of the Arctic Ocean; customary rules of International Law; International custom, the common heritage of mankind, the continental shelf, the responsible management of the Arctic region.

References:

1. B'ulleten' mezhdunarodnyh dogovorov [Bulletin of International Treaties]. 2013. № 9.
2. Vylegzhanin A.N., Kalamkarjan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obyichaja v sovremennom mezhdunarodnom prave [The value of International Custom in contemporary International Law] // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]. № 2. 2012.
3. Vylegzhanin A.N. Pravovoe polozhenie Arkticheskogo regiona v dokumentah [The legal status of the Arctic region in documents] / vvodnaja stat'ja k tomu 3. Primenimye pravovye istochniki [Applicable legal sources] // Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The Arctic region: problems of international cooperation]. Hrestomatija v 3 tomah. М., 2013.
4. Vylegzhanin A.N. Reshenija Mezhdunarodnogo Suda OON po sporam o razgranichenii morskikh prostranstv [The decision of the Court of International Justice in disputes on Maritime delimitation]. М., 2004.

5. Arkticheskij region. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The Arctic region: problems of international cooperation]. Hristomatija v 3 tomah. T. 3. Primenimye pravovye istochniki [Applicable legal sources] / Gl. Red. I.S. Ivanov. M., 2013.
6. Geograficheskij jenciklopedicheskij slovar' [Geographic encyclopedic dictionary]. M., 1986, Fizicheskaja geografija materikov i okeanov [Physical geography of continents and oceans] / Pod obshhej red. A.M.Rjabchikova. M., 1988.
7. Lavrov S.V. Nuuk'skaja Deklaracija: novyj jetap sotrudnichestva arkticheskikh gosudarstv [Nuuk's Declaration: a new stage of cooperation of the Arctic States] // Arktika: jekologija i jekonomika [The Arctic: ecology and economy]. № 3. 2011.
8. Nikolaev A.N., Peshhurov I.S. Pravovye vozmozhnosti predotvrashhenija poteri Rossiej vysokoshirotnogo uchastka arkticheskogo shel'fa [Legal options to prevent the loss of Russia's high-latitude area of the Arctic shelf] // Sovremennye proizvoditel'nye sily [Modern productive forces]. № 1. 2014.
9. Predlozhenija k Dorozhnoj karte razvitija mezhdunarodno-pravovyh osnov sotrudnichestva Rossii v Arktike [Offers Road map to the development of the International Legal framework of cooperation of Russia in the Arctic] // Gl. red. I.S. Ivanov. Avt. kollektiv. M., 2013.
10. Jefendiev O.F. Arkticheskie vody [Arctic waters] // V kn. «Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo. Rezhim vod i dna Mirovogo okeana» [Modern International Maritime law. Mode waters and seabed World Ocean] / Otv. red. M.I. Lazarev. M., 1974.
11. Coastline of the United States // <http://www.infoplease.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv>
12. ILulissat Declaration, Arctic Ocean Conference, Greenland, 27-29 May 2008 // <http://arctic-concil.org/filearchive/llulissat-declaration.pdf> (16 June 2009).
13. [www. infoplease.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv](http://www.infoplease.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv)
14. [www. arctic-info.ru](http://www.arctic-info.ru).
15. www.mgimo.ru/news/guests/index.phtml.